

Тимьян Люсье
Воздушный Каравай

или Тимофей и Людмила
по следам Маленького Принца.

Тимьян Люсье

Воздушный Каравай

<https://litres.ru/74196529>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Воздушный Каравай» — это светлая и трогательная философская сказка-притча, написанная в лучших традициях «Маленького принца». Это история о том, как важно вовремя остановиться в бесконечной гонке современного мира, чтобы заново научиться чувствовать вкус жизни. В центре сюжета — история пекарей Тимофея и Людмилы, которые устали от суеты, очередей и жестких графиков мегаполиса. Они закрыли свое успешное городское кафе и создали собственное крошечное государство для двоих. Их страна размером с одно пшеничное поле, дом-пекарню и велосипедную дорожку, а на флаге красуется знак «&», символизирующий глубокое единение. На своём «Воздушном Каравае» герои путешествуют над большими городами, встречая самых разных людей: от Архивариуса идеальных рецептов до Оптимизатора жизненных процессов и Торговца фьючерсами. Угощая этих вечно спешащих и поглощенных цифрами людей своим настоящим, теплым хлебом, Тимофей и Людмила пробивают их эмоциональную броню и возвращают им забытую радость простых вещей.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Воздушный Каравай

Глава

ТИМЬЯН ЛЮСЬЕ

"Воздушный Каравай"

или Тимофей и Людмила по следам Маленького Принца

Предисловие автора

Когда вы начнете читать эту книгу, вам может показаться, что Тимофей и Людмила — вымышленные персонажи, которые всегда жили в своем крошечном государстве. Что они родились среди пшеничного поля, под небом цвета берлинской лазури, в окружении преданной собаки, белого лебедя и независимого кота.

Людам очень нравятся сказки, в которых герои изначально существуют вне времени, пробок и забот. Но правда в том, что самые светлые истории не рождаются на пустом месте. Чаще всего они появляются из-за усталости от слишком громкой реальности.

Раньше Тимофей и Людмила жили в самом сердце Большого Города. У них была настоящая, вполне осязаемая и успешная пекарня-кафе на оживленной улице, где аромат горячего хлеба согревал душу, а запахи корицы и свежесмолотого кофе кружили голову. Там работали наемные бариста, кондитеры и повара: непрерывно гудели кофемашины, пеклись пироги, нарезались салаты и создавались невероятно вкусные десерты.

По утрам у дверей выстраивались длинные очереди из вечно спешащих людей в строгих костюмах. Они смотрели на часы, нервно постукивали пальцами по барной стойке и требовали кофе с собой и круассан — ровно за полторы минуты, чтобы успеть на важные совещания.

Тимофей и Людмила честно пытались играть по правилам этого большого взрослого мира. Они заполняли налоговые декларации, высчитывали маржинальность, боролись с инспекторами, оценщиками и специалистами по масштабированию. Но с каждым днем они замечали пугающую вещь: чем больше цифр появлялось в квартальных отчетах, тем меньше тепла оставалось в их хлебе и душе. Тесто не терпит суеты. Когда его пытаются подогнать под жесткий график и конвейерную ленту, оно теряет свой вкус, а сердце пекаря наполняется грустью.

По вечерам, когда пекарня закрывалась, витрины гасли, а сотрудники и гости расходились по домам, Тимофей и Людмила садились за дальний столик у большого окна. У них был тайный ритуал, свой способ сбежать от суеты мегаполиса — читать старенький томик Экзюпери. Они читали его друг другу вслух. Это были истории о мудром Лисе, о капризной Розе, о фонарщиках, дельцах и королях без подданных. И с каждой перевернутой страницей они все яснее понимали одну простую истину: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». И уж тем более этого не посчитаешь на калькуляторе.

В какой-то момент они осознали, что их любовь к хлебу и друг к другу просто задыхается в мире, где все измеряется скоростью и прибылью. И тогда они приняли самое смелое решение в своей жизни: уехали из Большого города. Они закрыли кафе, распрощались с графиками и дедлайнами и создали собственное крошечное государство для двоих. Государство, где из граждан — только маленькая собачка, белый лебедь и кот, гуляющий сам по себе. Где время измеряется тем, как поднимается опара, а границы заканчиваются там, где перестает пахнуть свежим хлебом.

Именно поэтому я решил рассказать их историю именно так, а не иначе. Я мог бы написать сухую биографию или успешный бизнес-кейс о дауншифтинге. Но язык сухих фак-

тов здесь бессилен. Невозможно описать химию живой закваски и силу знака «&» языком людей, которые видят в шляпе только шляпу, а не удава, проглотившего слона. Эту историю нужно было рассказать языком тех, кто умеет смотреть на звезды и слышать в них смех. На языке Маленького принца, которого они так любили.

Эта книга — мой ответный подарок Тимофею и Людмиле. Попытка перевести их тяжелый, но прекрасный повседневный труд на язык той самой сказки, которая когда-то жила в их городской пекарне. Так что, пожалуйста, отложите на время свои взрослые заботы. Спрячьте подальше планшеты и смартфоны. Мы отправляемся туда, где пахнет настоящим ремеслом, где на ветру развевается трехцветный флаг и где всегда, при любых обстоятельствах, действует главное правило: «ХЛЕБ — всему голова».

Глава первая.

Современные люди очень любят цифры и границы. Когда им рассказываешь о новом государстве, они никогда не спрашивают о самом главном. Они не спросят: «А чем пахнет на его улицах по утрам? Поют ли там птицы, когда восходит солнце? Хрустит ли корочка свежей выпечки?».

Вместо этого они интересуются: «Какова площадь этой

страны? Каков ее валовой внутренний продукт?» Сколько грузовиков в ее автопарке?» И если вы ответите: «Площадь этой страны ровно такая, чтобы на ней уместились одна пекарня, одно пшеничное поле и велосипедная дорожка, а ездят там на светло-бордовом фургоне», — люди снисходительно улыбнутся и ничего не поймут.

Но если сказать: «Это суверенное государство производит триста килограммов экспортного товара в день, а его флаг состоит из трех вертикальных полос: карминной, цвета экрю и берлинской лазури», — тогда люди уважительно закивают. «О, солидная держава!» — скажут они.

Что поделаться, таковы уж современные люди. На них не стоит сердиться, мы должны быть снисходительны к ним. Мы-то с вами понимаем, что жизнь — это не цифры. Поэтому я бы предпочел начать эту историю так, как начинаются волшебные сказки.

Я бы хотел сказать: «Жило-было на свете совсем крошечное государство. Оно было чуть больше обычного городского перекрестка, и жили в нем Тимофей и Людмила». Им так сильно не хватало друг друга, что они старались никогда не расставаться...».

Глава вторая.

Государство Тимофея и Людмилы было таким крошечным, что, если сесть на велосипед-тандем и быстро крутить педали, его можно было объехать от края до края ровно за три минуты. Главное, чтобы маленькая собачка-пекинес по кличке Апа, сидевшая в корзинке на руле, не слишком громко лаяла и не отвлекала пролетающих мимо лебедей. В этом государстве не было ни королей, ни министров, ни генералов.

Умные люди обязательно спросили бы: «Кто же тогда всем управляет?». Но у Тимофея и Людмилы был свой закон, самый главный и единственный. Он был выведен на вывеске их маленького дома с большими окнами: «ХЛЕБ — всему голова».

Люди часто думают, что «голова» — это президент, директор или просто важный человек в строгом костюме. Однако в крошечном государстве знали правду: голова — это то тёплое, живое и дышащее чудо, которое объединяет всех вместе. Это тесто, которое нужно замешивать добрыми руками, ведь если ты разозлишься или загрустишь, оно всё почувствует и никогда не поднимется. Тесто, как и любовь, требует заботы и терпения.

Каждое утро, когда небо было еще серо-голубым, как правая полоса их государственного флага, Тимофей и Людмила разжигали печь. Огонь гудел и становился густо-бордовым — точь-в-точь как левая полоса. А между ними рождалось чудо — кремово-белое, нежное, пахнущее домом и уютом.

В самом центре их флага красовался удивительный герб: знак «&», сквозь который прорастал золотой пшеничный колос.

— Что означает этот символ? — спросил я однажды, заглянув к ним за свежей булочкой.

— Он означает «Вместе», — ответила Людмила, поправляя фартук. — Пшеничный колос не может вырасти из одного зернышка так, чтобы накормить всех. Нужно много зерен. Вот и мы с Тимофеем — только вместе. Знак «&» связывает нас так же крепко, как вода и мука, из которых пекут хлеб.

Глава третья.

Иногда по выходным, когда выпечка уже была разложена по полкам, а светло-бордовый фургон уже развез утренние заказы соседям, Тимофей и Людмила отправлялись в путешествие. У них не было самолета, зато был воздушный шар. Точнее, это был совсем не шар.

Однажды произошло настоящее чудо: в особую дату «кормления» первой закваски тесто поднялось на редкость хорошо. Оно надулось, запузырилось и стало легким-легким, легче самих облаков. А после выпечки этот огромный, пышный, румяный батон с надрезами начал поднимать их велосипед-тандем прямо в небо.

Тимофей крутил педали впереди, Людмила — позади. Апа радостно смотрела вниз из своей плетеной корзинки, а рядом летел белый лебедь Гаврил, указывая путь к новым, неизведанным землям.

Они парили над большими городами, где вечно спешащие люди смотрели на часы и считали деньги. Горожане поднимали головы, видели в небе что-то большое и говорили: — Наверное, это новый метеозонд. Или рекламный дирижабль.

Люди даже не замечали, как с неба начинало пахнуть ванилью, корицей и теплым мякишем. Они не знали, что над ними пролетает самое маленькое и самое доброе государство на свете. Государство, в котором точно знают: зорко одно лишь сердце, а самого главного не купишь ни за какие деньги. Ведь самое главное можно только испечь и разделить с тем, кого любишь.

Глава четвертая

Однажды их Воздушный Каравай, подхваченный теплым южным ветром, опустился на асфальтовую площадь одного очень большого города. В этом городе все казалось квадратным: дома, автомобили, портфели прохожих и даже их лица. Тимофей опустил на землю специальный якорь, сделанный из тяжелой чугунной сковороды, а Людмила поправила сбившуюся в полете прическу. Сердитая девочка-пекинес высунула нос из корзинки и чихнула, потому что воздух здесь пах выхлопными газами и суетой.

На площади стоял человек в строгом сером костюме, который непрерывно смотрел на экран своего телефона и что-то быстро считал.

— Доброе утро! — вежливо поздоровался Тимофей.

— Три тысячи четыреста двенадцать... Доброе, если оно вообще бывает добрым, — буркнул человек, не поднимая глаз. — Три тысячи четыреста тринадцать... Вы меня со счёта сбили!

— А что вы считаете? — поинтересовалась Людмила.

— Сэкономленные минуты, — важно ответил незнакомец. — Я главный управляющий Фабрики быстрого питания. Мы производим стандартизированный питательный продукт номер сорок два, который полностью заменяет хлеб.

— Заменяет? — удивился Тимофей. — Но зачем заменять хлеб?

— Ради эффективности! — Управляющий наконец поднял глаза и окинул взглядом их велосипед, белого лебедя и гигантский батон над ними. — Что за нелепый транспорт? Совершенно не аэродинамичный! И сколько времени у вас уходит на создание одной такой... Булки?

— Иногда целый день, — с улыбкой ответила Людмила. — Сначала нужно разбудить закваску, потом замесить тесто, дать ему время подумать и подняться, а затем разогреть печь...

— Целый день! — Управляющий в ужасе схватился за голову. — Какое возмутительное расточительство! На моей фабрике продукт номер сорок два замешивается машинами за три минуты, выпекается за пять и хранится полгода. Мы экономим людям по несколько часов в день!

— А на что люди тратят эти сэкономленные часы? — спросил Тимофей.

— Как на что? На то, чтобы заработать деньги на покупку продукта номер сорок два! Это же очевидно.

Людмила достала из корзинки еще теплый ломоть хлеба, от которого исходил нежный аромат печи, и протянула его управляющему.

— Попробуйте. Мужчина с подозрением посмотрел на кусок, осторожно откусил и внезапно замер. На секунду его квадратное лицо стало округлым и мягким. В глазах мелькнуло что-то давно забытое — возможно, воспоминание о бабушкиных руках или о летнем утре в деревне. Но тут же встряхнул головой, проглотил хлеб и снова уткнулся в экран.

— Нерационально, — сухо отрезал он. — Вкусно, но совершенно нерентабельно. Мне пора, я теряю время.

Тимофей и Людмила снова сели на свой тандем. Лебедь взмахнул крыльями, и Воздушный Каравай поднял их в небо. «Странные эти городские люди, — думал Тимофей, крутя педали. — Они готовы потратить всю свою жизнь на экономию времени, но у них совершенно не остается времени на то, чтобы просто жить».

Глава пятая.

Когда они вернулись в свое крошечное государство, я зашел к ним в гости. У входа стоял их верный светло-бордовый фургончик: пусть он был не таким быстрым, как машины в мегаполисах, зато никогда не тряс хлеб на кочках, чтобы тот не испугался и не осел.

Тимофей стоял у деревянного стола и бережно, почти благоговейно, перемешивал в глиняной миске густую массу. —

Что ты делаешь? — спросил я. — Кормлю закваску, — тихо ответил он, стараясь не нарушать тишину. — Это наш самый главный секрет.

Люди часто думают, что хлеб пекут из муки, воды и покупных дрожжей. Они скрупулезно читают рецепты, смешивают граммы и миллилитры, а потом удивляются, почему у них получается просто еда, а не чудо.

— Понимаешь, — сказала Людмила, подходя ближе. — Чтобы получился настоящий хлеб, тесто нужно приручить. — Приручить? Как дикого зверя?

— Именно так, — кивнул Тимофей. — Мука и вода — это просто порошок и жидкость, таких на свете миллионы. Но если ты соединишь их, отдашь им тепло своих рук и будешь терпеливо ждать, они оживут и станут твоими. Наша закваска знает наши голоса и тепло наших рук, она чувствует, когда мы радуемся, а когда грустим.

Тимофей заботливо накрыл миску чистым льняным полотенцем.

— Если использовать быстрые дрожжи из пакетика, тесто вздуется в одно мгновение, но в нем не будет души. Оно не успеет узнать тебя, а ты не успеешь узнать его. Ведь узнать можно только то, на что ты тратишь время.

— Это как с вашим знаком на флаге? — вспомнил я про красивый амперсанд с пшеничным колоском.

— Да, — улыбнулась Людмила. — Этот знак связывает не только нас с Тимофеем. Он связывает нас с каждым колосом, с каждой каплей воды и с каждым человеком, который однажды отломил кусок нашего хлеба.

Она посмотрела на будущий хлеб, отдыхающий под полотенцем, и серьезно добавила: — Но помни, что это большая ответственность. Если ты завел закваску, ты не можешь просто уехать и забыть о ней, потому что она живая. Ты навсегда в ответе за тесто, которое приручил.

Я вышел из пекарни на улицу. Над крошечным государством садилось солнце, окрашивая небо в цвета берлинской лазури и кармина — в точности как на их флаге. И я подумал: как хорошо, что на свете еще остались места, где не экономят время на любви и где точно знают, что самого главного глазами не увидишь. Самое главное можно только почувствовать сердцем. Ну или ощутить по запаху свежего хлеба.

Глава шестая.

На следующий день Тимофей и Людмила никуда не по-

летели. Воздушный каравай отдыхал, лебедь дремал на крыше, а маленькая собачка свернулась калачиком на коврик у двери.

Вместо полета они завели свой верный светло-бордовый фургончик. На его бортах гордо сиял государственный герб — знак «&» с пшеничным колосом, а в кузове лежали еще горячие, дымящиеся буханки. Они поехали в соседний город, чтобы навестить одного очень занятого человека, который называл себя Архивариусом Рецептов.

Он жил в доме, где все стены, от пола до потолка, были заставлены огромными папками и книгами. Когда Тимофей и Людмила вошли, Архивариус сидел за столом и сдувал пыль со старинного пергамента.

— Осторожнее! — воскликнул он, заметив их. — Вы принесли с собой сквозняк, а он вреден для древних манускриптов!

— Добрый день, — улыбнулась Людмила. — Мы привезли вам свежий хлеб.

— Хлеб? — Архивариус поправил очки и посмотрел на румяную буханку так, словно это был опасный предмет. — Скажите, каков его состав? Каково точное соотношение влажности и клейковины? Выдерживали ли вы тесто при температуре ровно двадцать один и три десятых градуса?

Тимофей пожал плечами: — Мы выдерживали его в тепле нашего дома. А влажность... ну, сегодня утром был небольшой дождь, так что тесто само решило, сколько ему нужно воды.

— Само решило?! — Архивариус в ужасе схватился за сердце. — Это возмутительное нарушение правил! Вы печете вслепую! Посмотрите сюда! — он гордо обвел рукой свои полки. — Здесь собраны рецепты самого идеального хлеба за последние пятьсот лет. Я вывел формулу абсолютного, безупречного каравая. В нем нет ни единого изъяна!

— А какой он на вкус? — поинтересовался Тимофей.

— На вкус? — Архивариус растерянно заморгал. — Не знаю. Я его никогда не пек.

Людмила удивленно подняла брови: — Но почему?

— Мука может просыпаться на пол. Печь может нагреться неравномерно. А вдруг на корочке появится несимметричная трещина? — содрогнулся Архивариус. — Нет-нет. Идеальный хлеб должен оставаться на бумаге. Стоит попытаться воплотить его в жизнь, как он станет несовершенным. Реальность все портит.

Люди часто боятся жизни, потому что она не бывает ровной и правильной. Они предпочитают любить идеальные цифры и безупречные чертежи, забывая, что бумагой сыт не

будешь.

Людмила достала из корзины буханку фирменного «Сельского» хлеба. Она и правда была немного несимметричной, а на ее золотистом боку красовалась глубокая живописная трещина.

— Знаете, — мягко сказала она, отламывая кусок, — когда хлеб печется, он поет. Корочка трескается, потому что тесту не терпится вырваться наружу, оно дышит. Эта трещина — не ошибка, это улыбка хлеба. Попробуйте.

Архивариус с сомнением взял кусок. Он долго смотрел на него, а потом неуверенно откусил. В комнате повисла тишина. Было слышно только, как восхитительно, громко и честно хрустит поджаристая корочка. Лицо Архивариуса внезапно изменилось. Он снял очки и вытер глаза рукавом своего пыльного пиджака. — Оказывается... — прошептал он, — совершенство — это так скучно. А этот хруст... он звучит как само счастье.

Они оставили ему целую буханку и уехали. А Архивариус впервые в жизни не стал записывать рецепт. Он просто сидел, молча ел хлеб и крошил его на свои идеальные чертежи, даже не замечая этого.

Глава седьмая

Вечером того же дня я снова сидел на пороге их пекарни. Фургон был припаркован, а печь медленно остывала, отдавая пространству остатки дневного тепла. Солнце клонилось к горизонту.

Маленький принц когда-то рассказывал, что на своей планете он мог любоваться закатом сорок три раза в день, стоило лишь немного передвинуть стул. В крошечном государстве Тимофея и Людмилы закат был один, но зато какой! Небо сначала окрашивалось в карминный цвет, потом становилось цвета экры, а в самом конце сгущалось до берлинской лазури. Точь-в-точь как флаг, развевающийся на их доме.

— Наш хлеб очень эфемерен, — задумчиво произнес Тимофей, глядя на заходящее солнце.

— Что значит «эфемерен»? — спросил я, хотя прекрасно знал ответ. Мне просто нравилось, как они это объясняют.

— Это значит, что он не создан для вечности, — ответила Людмила. — Люди любят строить бетонные башни, копить золото и воздвигать памятники, чтобы оставить след навсегда. А наш труд исчезает в тот же день. Утром мы достаем из печи чудо, а к вечеру от него остаются только крошки на чьем-то столе.

Она погладила маленькую собачку, мирно спавшую у нее

на коленях.

— И вам не обидно? — спросил я. — Столько труда, столько любви — и все это съедают за несколько минут.

— Ни капельки, — улыбнулся Тимофей. — Видишь ли, хлеб исчезает, но тепло, которое он дарит, остается внутри людей. Когда человек ест свежий, добрый хлеб, он на минуту забывает о своих заботах. Он становится чуть мягче, чуть добрее.

Людмила кивнула и добавила: — Самые важные вещи на свете — самые недолговечные. Закат, который длится всего полчаса. Смех ребенка. Запах свежееиспеченной булочки. Их нельзя положить в сейф или записать в книгу, как пытался сделать Архивариус. Их можно только прожить прямо сейчас.

Я смотрел на эту удивительную пару. Их государство не имело армий, не чеканило монет и не проводило строгих границ на картах, но это было именно то место, где каждый хотел бы погостить, а еще лучше — остаться навсегда.

— И все-таки, где заканчиваются границы вашей страны? — спросил я напоследок перед уходом.

Тимофей и Людмила переглянулись, и их взгляды встретились, невидимо переплетаясь, как тот самый знак на их гербе. — Границы нашего государства, — тихо сказал Ти-

мофей, — заканчиваются ровно там, где перестает пахнуть свежим хлебом. И ни на миллиметр ближе.

И я подумал, что это, пожалуй, самая надежная и прекрасная граница из всех, что когда-либо существовали на Земле.

Глава восьмая

Однажды светло-бордовый фургончик привез Тимофея и Людмилу в город, где все здания были сделаны из стекла, а люди смотрели не друг на друга, а в маленькие светящиеся прямоугольники. В этом городе жил человек, который носил на шее золотую вилку на шелковой ленточке, а в кармане пиджака — крошечную лупу. Он называл себя Главным оценщиком.

Люди вообще очень любят всё оценивать. Если вы скажете им: «В этой пекарне пахнет так, что хочется обнять весь мир, а пекарь всегда улыбается», — они недоверчиво пожмут плечами. Но если вы скажете: «У этого заведения рейтинг девять и восемь десятых балла из десяти», люди тут же выстроятся в длинную очередь, даже не спросив, что именно там продают.

Главный оценщик сидел за столом в ресторане и с важным видом изучал блюдо «высокой кухни». — Здравствуйте, — поздоровался Тимофей, держа в руках свежий, еще теплый подовый гречишный хлеб.

— Тише! — зашипел оценщик. — Вы сбиваете меня с толку. Я только что продегустировал пену из сельдерея с молекулярным укропом.

— И как, вкусно? — поинтересовалась Людмила.

— При чем тут «вкусно»? — возмутился Оценщик, поправляя золотую вилку. — Вкус — понятие субъективное. Я оцениваю текстуру, инновационность и подачу, я раздаю звезды. Если я дам ресторану три звезды, он прославится на весь мир. Если ни одной — он закроется.

Тимофей положил свой хлеб на стол. Золотистая корочка тихо хрустнула, коснувшись тарелки. — А нашему хлебу вы бы поставили звезду?

Оценщик достал лупу и склонился над буханкой.

— Так-так, — пробормотал он. — Форма неидеальная. Цвет корочки неравномерный: где темнее, где светлее. А что это за огромная дыра в мякише? Пористость совершенно непредсказуемая!

— Это потому, что тесто дышало, — мягко сказала Людмила. — Оно живое. Когда ему радостно, оно пускает большие пузыри.

— Непрофессионально! — отрезал Оценщик. — В хле-

бе не должно быть эмоций, в нем должны быть правильные пропорции. Я вынужден поставить вам ноль звезд. Вы не соответствуете современным трендам.

— Но вы же даже не попробовали, — удивился Тимофей.

Оценщик вздохнул, словно делая им огромное одолжение, отломил крошечный кусочек и положил в рот. Он закрыл глаза, чтобы лучше проанализировать кислотность и текстуру. Но вдруг его брови поползли вверх. Лупа выпала из его рук и со звоном покатила по столу.

В этот момент он забыл про молекулярный укроп и тренды. Ему вдруг вспомнилось, как в детстве он прибежал с улицы замерзший, с разбитой коленкой, а мама отрезала ему кусок горячего хлеба, намазывала его сливочным маслом и посыпала крупной солью. И больше ничего не было нужно для счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.